STUDIA UNIVERSITATIS MOLDAVIAE

Revistă Ştiinţifică a Universităţii de Stat din Moldova, 2013, nr.4(64)

ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Сергей МАТВЕЕВ

Молдавский государственный университет

Din analiza datelor arheologice rezultă că în nicio etapă istorică, în cadrul spaţiului dintre Nistru, Carpaţi şi Dunăre, nu au avut loc procese etnice distincte, respectiv nu a avut loc o diferenţiere a caracterului etnic al populaţiei romanice dintre Carpaţi–Dunăre şi Carpaţi–Nistru. Atât la est, cât şi la sud de Carpaţi contactele romanicilor de est cu comunităţile întâlnite în cale nu au dus la schimbarea caracterelor etnice, în timp ce condiţiile geografice şi situaţia politică au catalizat procesul de stabilire în sec. XIV a două formaţiuni statale.

Cuvinte-cheie: *identitate etnică, regiunea interfluviului pruto-nistrean, etnos, etnie, polietnie.*

THEORY AND REALITY OF ETHNIC IDENTIFICATION OF EARLY MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL CULTURES OF THE PRUT AND DNIESTER INTERFLUVE IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

The analysis of archaeological data reveals the fact that no distinct ethnic processes occurred in the space between Dniester, Carpathians and Danube at any time, there has been no differentiation of ethnic character of the Romanic population living in the Carpathian-Danube and Carpathian-Dniester space. The contacts of the Eastern Romanics, living towards east and south of Carpathians, with other communities did not lead to changes in the ethnic character, moreover, the geographical and political situation fostered the process of creating two state formations in the 14th century.

Keywords: *ethnic identity, Prut-Dniester interfluve, ethnos, ethnicity, polyethnicity.*

Важными составляющими исследований советской исторической школы являлись работы, посвященные этнической идентичности народов бывшего СССР. Изучение этнокультурных процессов раннего средневековья в регионе Пруто-Днестровского междуречья стало частью исследования проблемы формирования молдавского народа. Сложности в ее решении были обусловлены отсутствием локальных письменных источников до эпохи формирования средневековых государств – момент, который должен был быть восполнен археологическими, лингвистическими, антропологическими, этнографическими и другими источниками [1].

В начале XX века уже широко использовались термины «этнос» и «этничность». В советской историографии первое объяснение данного термина дал С.Широкогоров, который писал, что этнос – это группа людей с единым языком общения, общим происхождением, комплексом обычаев, образом жизни, сохраненных в традициях, которые отличают его от других человеческих групп [2, 13].

Идеи С.Широкогорова большей частью были заимствованы советскими исследователями. Использование данного термина стало обязательным после публикации статей И.Сталина, посвященных проблемам языков и нациям. Согласно работам И.Сталина, этнос – это стабильное, исторически сформированное сообщество людей на основе четырех основных принципов: общности языка, территории, экономической жизни и психологических особенностей, отраженных в специфике национальной культуры [3; 4, 10]. Археологически можно проследить только вторую и третью характеристики.

Советская историография настаивала на выводе, что если политоним используется на протяжении нескольких поколении, то он приобретает значение этнонима [5, 14]. Следовательно, только индивидуальное самоопределение может служить основой для исследования проблем этнической идентичности.

Для археологии раннего средневековья проблема этнической интерпретации является не только наиболее дискутируемой, но и наиболее важной. Одним из основных элементов в этом контексте являлось *тождество этноса и археологической культуры*. Данная проблема подверглась широкому обсуждению в первой половине XX века, после появления работы Г.Коссинны [6] о принадлежности определенных территорий с единой материальной культурой одной этнической группе и необходимости идентификации этой группы в письменных источниках античности. В ответ на эту работу был

опубликован целый ряд исследований, в которых данная теория подвергалась критическому анализу. Авторы, настаивая на невозможности этнической интерпретации археологических исследований, в своих доказательствах указывали на возможные ошибки, которые могут появиться, если данную теорию воспринимать как единственно верную (Макс Еберт (1879-1929), Карл Шухард (1859-1943), Эдуард Майер (1855-1930), Ганс Юрген Еггерс (1906-1975) и др.) [7]. Нужно признать, что сам Г.Коссинна обращал внимание на то, что его теорию нужно использовать с большим вниманием и что она не аксиоматична. Тем не менее, данная теория была воспринята без особых изменений советской историографией и использовалась в некоторых случаях до 90-х годов XX века [8, 62]. Несмотря на то, что еще в 1953 году была опубликована статья А.Удальцова, в которой указывалось на недостатки этой теории (на примере необоснованного включения славян в скифскую культуру) [4, 15].

К началу XX века этнокультурные процессы первого тысячелетия н.э. восточнее Карпат, в контексте этнической идентификации, нашли свое отражение в двух основных теориях: *миграционной* и *автохтонной*, другие мнения перешли в разряд аргументов, поддерживающих одну или другую теорию. Советская историография подвергла жесткой критике обе теории: основным мотивом было непризнание этнической идентичности молдавского народа.

Для Карпато-Днестровского региона, а в особенности для Пруто-Днестровского междуречья, проблема этнической интерпретации археологических культур особенно важна, так как существовавшая этническая интерпретация не основывалась на должном анализе, и длительное время не допускались никакие разногласия с официальной точкой зрения.

Интенсивные археологические исследования, предпринятые в послевоенные годы, выявили в Пруто-Днестровском регионе элементы материальной и духовной культуры как оседлого населения, так и кочевников. Этническая принадлежность оседлого населения определялась как славянская. С самого начала отрицались любые элементы романского происхождения. В этом контексте некоторые попытки доказать даже полиэтничность носителей сельскохозяйственных культур отрицались и были подвергнуты жесткой критике.

В период 1945-1990-х годов о раннесредневековой цивилизации Пруто-Днестровского междуречья было написано много работ. В них основной акцент делался на археологических и исторических интерпретациях. Особое внимание было уделено культурно-хронологическому определению памятников, и как следствие – их этнокультурной интерпретации. В результате были сформированы две основные гипотезы о раннесредневековой цивилизации: *первая* указывала на славянскую принадлежность археологических памятников, *вторая* – на их полиэтничность. Вторая гипотеза, необоснованно прозванная «романской», была подвергнута критике со стороны официальной историографии ввиду того, что она не отражала «исторических реалий».

Таким образом, археологические комплексы Левобережья Реута были объединены в Алчедар-Екимауцкую группу памятников, датированную X-XI вв. В 60-70 гг. в исторических работах название данной археологической группы изменяется на «древнерусскую культуру». Несмотря на большое внимание, которое отводилось этой группе памятников для изучения этнополитической эволюции региона, включая «процесс формирования молдаван», большая часть археологических материалов так и не была опубликована.

Археологические открытия памятников X-XI вв. Буковины и Хотинского региона сформировали другую группу, так называемый *тип Ревно*, объединив примерно 250 памятников. Как и предыдущий тип, памятники типа Ревно были определены как часть древнерусской культуры, и именно та составляющая, которая, как считалось, наложила славянский отпечаток в «формировании молдавского народа».

Археологические памятники Пруто-Днестровского междуречья XII века, согласно советской историографии, формировали группу типа Бранешть-Ленкэуць, которая просуществовала до XIII века. Параллельно были предприняты попытки выделить в культуре XII-XIII веков так называемую культуру галицких выгонцев, которая, как считалось, сыграла важную роль в «формировании молдаван» [9, 31-32; 10, 91-101; 11, 59-60]. Несмотря на то, что признавалось отсутствие генетических связей между ними и памятниками предыдущих типов, советские археологи, начиная с Г.Федорова и заканчивая Г.Чеботаренко, на основе аналогий с предметами, найденными в славянском мире, идентифицировали и памятники Пруто-Днестровского междуречья как славянские. Были установлены и определены критерии, которые позволяли признать памятники как славянские, среди них: наличие лепной

керамики на памятниках V-IX вв., гончарная керамика для памятников X-XIII вв., землянки, печка-каменка, сковороды и кремация в погребальном ритуале. Наличие хотя бы одного из этих элементов было достаточным для идентификации славянского этноса как носителя данной культуры.

Представитель полиэтнической интерпретации средневековых памятников Пруто-Днестровского междуречья И. Хынку выделял и критерии, характерные, по его мнению, для разных групп. Так, например, *восточнороманскими* элементами он считал жилища полуземляночного и наземного типов с очагами в одном из углов, полуземляночные жилища с очагами перед нишей-дымоходом, горшки с отклоненным венчиком, ленточной ручкой и усеченноконическим туловом, горшки с крышками и усеченноконическим или грушевидным туловом, усеченноконические чашки; *славянскими* характеристиками – жилища земляночного или полуземляночного типа с печами (каменками или глинобитными), горшки с отогнутым венчиком и усеченноконическим туловом, усеченноконические миски с прямыми или слегка дугообразными стенками, кувшины с высоким вертикальным венчиком и высоким усеченноконическим туловом, орнаментацию керамики по плечикам, а иногда и тулову полосой прямых, реже волнистых углубленных линий, нанесенных инструментом в виде заостренной палочки; *тюрко-болгарскими* элементами – жилища полуземляночного типа с очагами в центре, горшки с отогнутым утолщенным венчиком и бочонкообразным туловом, орнаментацию керамики углубленными линиями, нанесенными вильчатым или гребенчатым инструментом с частыми зубьями, гладкую керамику с лощеным и углубленным орнаментом; захоронения в круглых ямах, скрюченные захоронения в простых и круглых ямах; захоронения животных или их остатков; *половецкими* элементами и элементами других кочевников – захоронения с меридиальной ориентировкой, глиняные котлы, лепные горшки с орнаментом, характерным для кочевнической посуды [12, 175-177].

Таким образом, сомнительные реальности, выделенные Коссинной в XIX веке, широко использовались советской историографией, несмотря на то, что их несостоятельность была доказана исследованиями на более объемных ареалах с различными этническими составляющими [13].

Не были приняты во внимание и некоторые расчеты собственно советских исследователей. Так, согласно В.Зеленчуку и Л.Полевому, ввиду нашествия кочевников из древнерусских памятников XII века сохранились порядка 5,5%, а из тех, которые представляли первую волну волохов, только 4 поселения, к середине XIII века появились еще 5 поселений [14, 114-127]. Таким образом, напрашивается вывод, что в середине XIII века, когда считалось, что к востоку от Карпат происходили этнокультурные процессы, которые привели к формированию отдельной народности, местное оседлое население было представлено в них в очень ограниченном количестве.

Трудно объяснить доказательства отсутствия романской этнической группы в Пруто-Днестровском междуречье до XI в., а также абсолютно неаргументированное их появление в XII столетии. Ответ можно найти в славянской среде: для того чтобы доказать различия между волохами-молдованами и волохами-румынами, должен был закончиться процесс разделения славянского мира на восточных, западных и южных славян и только после этого они должны были войти в контакт с различными группами волохов, положив начало формированию различных народностей. Утверждения о пастушеской экономике волохов были нужны для доказательства отсутствия принадлежащих им археологических памятников. Если волохи – пастухи, значит, не было смысла искать их поселения, а значит, все обнаруженные поселения принадлежали славянам [15, 102; 16, 15].

Из анализа археологических данных можно сделать выводы, что в раннем средневековье на пространстве между Днестром, Карпатами и Дунаем происходили идентичные этнокультурные процессы, которые не могли привести в итоге к формированию различных народностей. Как к востоку от Карпат, так и к югу от них, те контакты, которые были между восточными романцами и другими народами, не смогли повлиять на изменение их этнического характера, в то время как географические условия и политическая ситуация способствовали процессу формирования к XIV веку двух государств.

Библиография:

1. ПИОТРОВСКИЙ, Р.Г. Молдавский язык и вопросы славяно-молдавских отношений в эпоху раннего средневековья. В: *Октябрь*, 1951, № 6, с.75-80.
2. БРОМЛЕЙ, Ю.В. *Этнос и этнография*. Москва, 1973. 283 с.
3. СТАЛИН, И.В. *Марксизм и вопросы языкознания*. Москва, 1951. 55 с.

4. УДАЛЬЦОВ, А.Д. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И.В. Сталина о языке. В: *Против вульгаризации марксизма в археологии.* Москва, 1953, с. 9-18.
5. БРОМЛЕЙ, Ю.В. *Современные проблемы этнографии*. Москва, 1981. 390 с.
6. KOSSINNA, G. *Die deutsche Vorgeschichte: eine hervorragend nationale Wissenschaft*. Würzburg, 1914. 255 S.
7. BRATHER, S. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie*. Berlin, 2004. 807 S.
8. АНФЕРТЬЕВ, А.Н. Проблемы к изучению этнической истории. В: *Этносы и этнические процессы.* Москва, 1993.
9. ФЕДОРОВ, Г.Б. Основные итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР. В*: Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии юго-запада СССР.* Кишинев, 1964.
10. БЫРНЯ, П. *Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв*. Кишинев, 1969. 220 с.
11. БЫРНЯ, П. Галицкие славяне в Молдавии. В: *Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии*. Москва, 1980.
12. ХЫНКУ, И.Г. Балкано-Дунайская культура лесостепной Молдавии в X-XIV вв. В: *Очерки истории и культуры Молдавии (II-XIV вв.).* Кишинев, 1971.
13. CURTA, F. *The making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region*. Cambridge, 2001. 492 p.
14. ЗЕЛЕНЧУК, В.С., ПОЛЕВОЙ, Л.Л. Расселение восточно-романского населения в Днестровско-Прутском междуречье (XIV-XV вв.). В: *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван.* Кишинев, 1983.
15. КОРОЛЮК, В.Д. О некоторых спорных вопросах развития черняховской, славянской, древнерусской и Балкано-Дунайской археологических культур Днестровско-Прутского междуречья. В: *Советское славяноведение,* №4, Москва, 1975.
16. КОРОЛЮК, В.Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. В: *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*. *Методология и историография.* Москва, 1976.

Prezentat la 29.08.2013